

Методические рекомендации по изучению публицистики И.А.Бунина.

Окаянные дни в жизни И.А. Бунина

В настоящей работе анализируется очерк И. А. Бунина "Окаянные дни" с учетом требований программ по литературе средней школы и филологических факультетов вузов. Ее цель - помочь разобраться в сложностях литературного процесса 1918-1920-х гг., проследить судьбу русского интеллигента в революции, вникнуть в суть проблем, поднимаемых публицистикой начала века.

Методические рекомендации предназначены для учителей литературы в старших классах школ, преподавателей литературы в средних учебных заведениях, студентов филологических факультетов вузов, учащихся гуманитарных гимназий и лицеев.

"Несвоевременные мысли" М. Горького и "Окаянные дни" И. Бунина относятся к числу тех художественных и философско-публицистических произведений, в которых по живым следам исторических событий запечатлен "русский строй души" времен революции и гражданской войны 1917-1921 г. г., о котором говорил А. Блок: "Он спутан и темен иногда, но за этой тьмой и путаницей... вам откроются новые способы смотреть на человеческую жизнь..." Поэт призывал "перестать прозевывать открывающий новые дали" русский строй души. Литература 1917-1920 годов живо откликалась на все события, происходящие в России, вспомним хотя бы некоторые имена в связи с этим. В. Короленко, А. Блок, С. Есенин, В. Маяковский, Е. Замятин, А. Платонов, И. Бунин...

Но "прозевывание" - таки состоялось, оно началось после революции, когда под запретом оказались произведения, объявленные антисоветскими. Их не разрешалось печатать потому, что произведения указывали на негативные стороны революции, предупреждали об их опасности для будущего России. Из литературы и общественной жизни были вычеркнуты роман "Мы" Е. Замятина, сборник "Из глубины", письма В. Короленко к А. Луначарскому, "Несвоевременные мысли" М. Горького. И можно только предполагать, каково было бы их воздействие на общественное и индивидуальное сознание людей. Возможно, знание этих произведений в свое время приостановило бы массовое одурманивание людей идеей строительства коммунизма.

Постижению состояния души русского интеллигента в революционную эпоху мешает еще и то, что литература тех лет мало кем читается и исследуется, плохо изучена.

В результате идеологического промывания мозгов мы лишились возможности знать свою литературу, а значит и себя, особенности своего национального характера, своеобразия психологии своего народа. За такое равнодушие к происходящему в революционные годы, за социальную, духовную, эстетическую слепоту наш народ заплатил дорогой ценой: уничтожением лучших людей, пробуждением низменных инстинктов, крушением высоких идеалов.

Видимо, надо было разобраться в так называемой "новой эре", эре отказа от общечеловеческих ценностей в пользу классовой борьбы; разобраться в "рождении нового человека". Это, вероятно, было под силу таким личностям, которые оказались способны сопротивляться идеологическому нажиму. Жизненный опыт убеждает нас, что человек может строить прогнозы, делать серьезные предсказания, если он умеет глубоко проникнуть в предшествующую историю страны, найти в ней вектор развития, тогда он может судить о будущем.

Пожалуй, таким мирозерцанием обладал И. А. Бунин. Вся его жизнь и деятельность выражены в словах, которые мы берем для эпиграфа работы.

РОССИЯ! КТО СМЕЕТ УЧИТЬ МЕНЯ ЛЮБВИ К НЕЙ?

В последний год своей жизни, в одну из бессонных январских ночей И. А. Бунин написал в тетрадке: "Замечательно! Все о прошлом, о прошлом думаешь и чаще всего все об одном и том же в прошлом: об утерянном, пропущенном, счастливом, неопределимом, о непоправимых поступках своих, глупых и даже безумных, об оскорблениях, испытанных по причине своих слабостей, своей бесхарактерности, недалекости и неотмщенности за эти оскорбления, о том, что слишком многое прошал, не был злопамятен, да и до сих пор таков. А ведь вот-вот все, все поглотит могила!". (1)

Эта краткая исповедь приоткрывает тайну характера И. А. Бунина, подтверждает сложность противоречивой его натуры, ярко обнаружившейся в "Окаянных днях". Окаянными назвал Бунин дни революции и гражданской войны.

КАКОВ ОСНОВНОЙ МОТИВ КНИГИ ?

Автор размышлял о России, русском народе в напряженнейшие годы его жизни, поэтому преобладающей становится интонация подавленности, униженности происходящим. Бунин передает читателю ощущение национальной катастрофы, не соглашается с официальной характеристикой вождя, исторических деятелей, писателей.

КАК МОГЛА ТАКАЯ КНИГА, РАЗОБЛАЧАЮЩАЯ ТОРЖЕСТВО ОКТЯБРЯ. ПОЯВИТЬСЯ В СТРАНЕ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА ?

Официальному советскому литературоведению "Окаянные дни" были известны, и исследователи творчества И. А. Бунина должны были как-то увязывать признания автора с социалистической действительностью. Самое "простое" решение приняло "Литературное обозрение", сократив "нестерпимо грубые выпады в адрес Ленина", - и не надо ничего комментировать. Более смелые критики пытались обойти вниманием "Окаянные дни", не заметив или не придав им должного значения. К примеру, А. Нинов утверждал, что "Окаянные дни" с художественной стороны не имеют никакой ценности: "Нет здесь ни России, ни ее народа в дни революции. Есть лишь одержимый ненавистью человек. Эта книга правдива лишь в одном отношении - как откровенный документ внутреннего разрыва Бунина со старой либерально-демократической традицией". (2)

О. Михайлов сравнивал Бунина с юродивым; который, "шевелия вершами, под звон дурацкого колокольчика испуганно кричит хулы... проклинает революцию" (3).

Но была и подборка материала к 120-летию со дня рождения "Неизвестный Бунин" в литературно-художественном и общественно-политическом журнале Слово", в которой утверждались "пророческие мысли незабвенного Бунина, не дрогнувшего произнести высокую правду об Октябрьской революции и ее вождях", и было мнение М. Алданова, считавшего, что в "Окаянных днях" есть страницы лучшие из всего написанного писателем.

Такое разноликое отражение "Окаянных дней" в современной нашей литературной критике заставляет внимательнее отнестись к книге, составить свое мнение о писателе, преодолевшем в своей судьбе грань революции и гражданской войны.

ПОЧЕМУ ЭТИ ДНИ СТАЛИ ДЛЯ И. А. БУНИНА ОКАЯННЫМИ? КАК ОН ВОСПРИНЯЛ РЕВОЛЮЦИЮ? ПОЧЕМУ ЕГО СУДЬБА НЕ СТАЛА ПОХОЖЕЙ НА СУДЬБУ, СКАЖЕМ, ЕСЕНИНА ИЛИ МАЯКОВСКОГО?

Попытаемся ответить на эти вопросы и другие с ними связанные, открыв для анализа полный текст бунинской книги - Собрание сочинений И. А. Бунина, т. X, Окаянные дни, "Петрополис", Берлин, 1935г. (репринтное издание).

"Окаянные дни" написаны одной из "самых прекрасных литературных форм" - дневниковой. Именно в личных записях автор предельно искренен, лаконичен, правдив. Все, что происходило вокруг него в первые дни 1918 и до июня 1919 г. нашло отражение на страницах книги.

КАКОВО ОТНОШЕНИЕ И. А. БУНИНА К РЕВОЛЮЦИИ ?

В целом "революционные времена не милостивы: тут бьют и плакать не велят". Писатель размышлял о сути революции, сопоставляя эти события в разных странах в различное время и пришел к выводу о том, что они "все одинаковы, все эти революции!" Одинаковы в своем стремлении создать бездну новых административных учреждений, открыть водопад декретов, циркуляров, увеличить число комиссаров - "непреренно почему-то комиссаров", - учредить многочисленные комитеты, союзы, партии.

Бунину грустно замечать, что революции создают даже новый язык, "сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний в перемешку с самой площадной бранью по адресу грязных остатков издыхающей тирании". (4)

Пожалуй Бунин применил самое точное определение сути революций: "одна из самых отличительных черт революции - бешеная жажда игры, лицедейства, позы, балагана". (5)

Для человека, далекого от политики, становятся необъяснимыми многие обычные еще вчера явления жизни, он озлобляется, замыкается в своем мирке, культивирует в себе явные пороки. Все это Бунин выразил одним предложением: "В человеке просыпается обезьяна".

Как видим, человек в дни революции действительно входит в новый мир, но по Бунину - это не "светлое завтра", а палеолит.

От 9 июня Бунин записывает высказывание Наполеона о революции: ..."честолюбие породило и погубит революцию. Прекрасным предлогом дурачить толпу остается свобода. Революция одурачила Россию. Не случайно в 1924 г. Бунин подробно остановился на сути революции и пытался доказать, что в силу революционных преобразований произошло великое падение России, а вместе с тем и вообще падение человека". (4)

По мнению Бунина, не было необходимости преобразовывать жизнь, "ибо, несмотря на все недостатки, Россия цвела, росла, со сказочной быстротой развивалась и видоизменялась во всех отношениях... Была Россия, был великий, ломившийся от всякого скарба дом, населенный огромным и во всех смыслах могучим семейством, созданный благословенными трудами многих и многих поколений, освященный богопочитанием, памятью о прошлом и всем тем, что называется культурой. Что же с ним сделали?"

С болью и горечью Бунин констатирует, что свержение старого режима было осуществлено "ужасающе", над страной поднято интернациональное знамя "то есть претендующее быть знаменем всех наций и дать миру взамен синайских скрижалей и Нагорной проповеди, взамен древних божеских уставов, нечто новое и дьявольское. Основы разрушены, врата закрыты и лампы погашены. Но без этих лампад не бывать русской земле - и нельзя преступно служить ее тьме". (5)

Бунин не отрицает того факта, что идеологом социалистической революции был В. И. Ленин.

КАКУЮ ОЦЕНКУ ДАЕТ И. А. БУНИН ПРОЛЕТАРСКОМУ ВОЖДЮ В "ОКАЯННЫХ ДНЯХ"?

2 марта 1918 года он делает короткую запись: "Съезд Советов. Речь Ленина. О, какое это животное!" [с. 33] И как бы сверяя свои впечатления от знакомства с этим человеком, делает еще две записи. От 13 марта: зафиксировал в дневнике слова Тихонова, "человека очень близкого им": " Ленин и Троцкий решили держать Россию в накалении и не прекращать террора и гражданской войны до момента выступления на сцену европейского пролетариата. Они фанатики, верят в мировой пожар... им везде снятся заговоры... трепещут и за свою власть и за свою жизнь..."[с. 39] Неоднократно зафиксирована в дневнике мысль о том, что большевики "не ожидали своей победы в октябре". [с. 38, 39].

Вторая запись, ночь на 24 апреля: "Еще одно торжество случилось тогда в Петербурге - приезд Ленина. "Добро пожаловать!", - сказал ему Горький в своей газете. И он пожаловал в качестве еще одного притязателя на наследство. Богатейшая Россия умерла в октябре

1917, и тотчас объявились толпы "шалых от забот, распоряжений" наследников покойницы, Бунин причисляет

к ним и Ленина. "Притязания его были весьма серьезны и откровенны. Однако встретили его на вокзале почетным караулом и музыкой и позволили затесаться в один из лучших петербургских домов, ничуть, конечно, ему не принадлежащий". [с. 83]

Ирония и откровенная неприязнь к Ленину передается через подбор эмоционально окрашенных глаголов - "пожаловал", "позволили затесаться". Через пять лет эмоции уступят место продуманным и выстраданным выводам: "Выродок, нравственный идиот от рождения, Ленин явил миру нечто чудовищное, потрясающее; он разорил величайшую в мире страну и убил несколько миллионов человек..."(б)

Сравнивая вождей французской революции с российской, Бунин замечает: "Сен-Жюст, Робеспьер, Кутон... Ленин, Троцкий, Дзержинский... Кто подлее, кровожаднее, гаже? Конечно, все-таки московские. Но и парижские были не плохи". [с. 125] Бунин считает безумием называть Ленина благодетелем человечества, он полемизирует с теми, кто настаивает на гениальности теории вождя пролетариата, не прощая его даже мертвого: "На своем кровавом престоле он уже стоял на четвереньках; когда английские фотографы снимали его, он поминутно высывал язык: ничего не значит, спорят! Сам Семашко брякнул сдуру во всеуслышанье, что в черепе этого нового Навуходносора нашли зеленую жижу вместо мозга; на смертном столе, в своем красном гробу, он лежал с ужаснейшей гримасой на серо-желтом лице: ничего не значит, спорят! А соратники его, так те прямо так и пишут: "Умер новый бог, создатель Нового Мира!"(7)

Бунин не может простить Ленину, "бешеному и хитрому маньяку", ни красного гроба, ни известия "о том, что Град Святого Петра переименовывается в Ленинград, то охватывает поистине библейский страх не только за Россию, но и за Европу". Для Бунина Петербург был особенным городом, связующим его представления о современной России с ее историческим прошлым. Еще недавно город был понятным, привычным, а уже потому родным. Революция внесла в него свои коррективы, и Бунин не приемлет "ленинских градов, ленинских заповедей" не может ради России претерпеть большевика: "Можно было претерпеть ставку Батя, но Ленинград нельзя претерпеть". С голосом Ленина в России стал слышен "голос хама, хищника и комсомольца да глухие вздохи". (7)

Ленина Бунин называет "планетарным злодеем", который осененный знаменем с издевательским призывом к свободе, братству и равенству, высоко сидел на шее русского дикаря и весь мир призывал в грязь топтать совесть, стыд, любовь, милосердие, в прах дробить скрижали Моисея и Христа, ставить памятники Иуде и Каину, учить "Семь заповедей Ленина"(8).

Такой неприкрытой ненависти к Ленину читать прежде приходилось. Можно ли сегодня эти строки Бунина о Ленине считать истиной в последней ее инстанции?

Наверное, долго еще не найдется защитников Ленина, охотников поднять медицинское заключение экспертов, чтобы объяснить "зеленую жижу" в черепе Ленина или его "ужаснейшую гримасу на серо-зеленом лице". Но нам, учителям, не будет прощения, если мы оставим эти фразы Бунина без комментариев. Все-таки за словом "Ленин" жил конкретный человек В. И. Ульянов, было в его судьбе, вероятно, и хорошее, и плохое, как и у всех людей. Обойдемся с памятью о человеке по-христиански, простим мертвому, объясним накал эмоциональности Бунина особенностями полемики, его субъективным восприятием происходящего в России: для себя отметим, что любой человек имеет право на любовь и ненависть и формы проявления этих чувств остаются на совести каждого. Отринув Ленина, отвергнув революцию, И. А. Бунин внимательно вглядывается в жизнь города. В "его дневнике представлены Москва, Петербург, Одесса Городские мотивы определяют весь настрой "Окаянных дней". Люди, лица, поступки передают революционный накал времени и нервозность восприятия Буниным всего происходящего.

КАКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЖИЗНЬ ГОРОДА ВНОСИТ РЕВОЛЮЦИЯ ПО МНЕНИЮ БУНИНА ?

Город представляют с 1917 года "белые", "красные", "уличные лица" в их сложных взаимоотношениях. Бунин отмечает самое различное отношение горожан к революции. Слуга Андрей двадцать лет "был неизменно мил, прост, разумен, вежлив, сердечен... Теперь точно с ума спятил. Служит еще аккуратно, но, видно, уже через силу, не может глядеть на нас, весь внутренне дрожит от злобы..."(10). Черный, с сальными волосами, полотер сокрушается о том, что "царя ссадили, а теперь этих большевиков не сопрешь. Народ ослаб. Их и всего-то сто тысяч наберется, а нас сколько миллионов и ничего не можем"[с. 26].

Бунин пытается ответить на вопрос, что же такое случилось? "Пришло человек 600 каких-то кривоногих мальчишек во главе с кучкой каторжников и жуликов, кои взяли в полон миллионный, богатейший город. Все помертвели от страха..." [с. 48].

Страх сковал многих людей, потому что к управлению страной пришли вчерашние кухарки, внешний вид которых наводит тоску по вчерашним прекрасным лицам, столь дорогим Бунину. Вот выступает известный оратор, и Бунин с отвращением разглядывает его слушателей: "Весь день праздно стоящий с подсолнухами в кулаке, весь день механически жрущий эти подсолнухи дезертир. Шинель внакидку, картуз на затылок. Широкий, коротконогий. Спокойно-нахален, жрет и от времени до времени задает вопросы и не единому ответу не верит, во всем подозревает брехню. И физически больно от отвращения к нему, к его толстым ляжкам в толстом зимнем хаки, к телячьим ресницам, к молоку от нажеванных подсолнухов на молодых, животно-первобытных губах"[с. 57].

Малосимпатичный Бунину новый хозяин страны не требователен к еде, хотя и кричит от коликов в животе после "ужасного горохового хлеба", а если ест колбасу, то "отрывает куски прямо зубами", он требует запретить буржуйам ходить в театры, потому что "мы вот не ходим"(9).

"На манифестациях знамена, плакаты, музыка - и кто в лес, кто по дрова в сотни глоток: "Вставай, подымайся, рабочий народ!" Голоса утробные, первобытные, лица все как на подбор преступные, иные прямо сахалинские" [с. 28].

Бунин считает, что "как только город становится "красным", тотчас резко меняется толпа, наполняющая улицы". На лицах нет обыденности, простоты. Все они, почти сплошь, отталкивающие, пугающие злой тупостью, каким-то угрюмо-холуйским вызовом всем и всему" [с. 73].

Революционных матросов из Петербурга "наследников колоссального наследия" он видит осатаневшими от пьянства, от кокаина, от своеволия. "Я как-то физически чувствую людей", записал про себя Л. Н. Толстой. Бунин о себе говорил то же самое: "Этого не понимали в Толстом, не понимают и во мне, оттого и удивляются порой моей страстности "пристрастности". Для большинства даже и до сих пор "народ", "пролетариат" - только

слова, а для меня это всегда глаза, рты, звуки голосов, для меня речь на митинге - все естество, произносящее ее" [с. 52]. Для Бунина лица красноармейцев, большевиков, сочувствующих им, совершенно разбойничьи: "Римляне ставили на лица своих каторжников клейма. На эти лица ничего не надо ставить, - и без всякого клейма видно" [с. 28]. Для Бунина любой революционер есть бандит. В целом он совершенно точно выхватил действительную проблему русской революции - участие в ней уголовной стихии: "Напустили из тюрем преступников, вот они нами и управляют, а их надо не выпускать, а давно надо было из поганого ружья расстрелять" [с. 26].

Бесовский красный цвет раздражает Бунина, от первомайских праздничных зрелищ у него "буквально всю душу переворачивает" [с. 51], красные флаги, обвисшие от дождя, "особенно паскудны". Каждое напоминание о прошлой жизни дает ощущение легкости,

молодости: "А в соборе венчали, пел женский хор. Вошел и, как всегда за последнее время, эта церковная красота, этот остров "старого" мира в море грязи, подлости и низости "нового" тронули необыкновенно. Какое вечернее небо в окнах ! В алтаре, в глубине, окна уже лилово синели. Милые девичьи личики у певших в хоре, на головах белые покрывала с золотым крестиком на лбу, в руках ноты и золотые огоньки маленьких восковых свечей - все было так прелестно, что слушая и глядя, очень плакал. И наряду с этим - какая тоска, какая боль!" [с. 68]. Красота осталась для Бунина в прежней жизни, все рушится, плана созидания никто не видит. Страшное ощущение потери родины чувствуется во фразе, записанной 12 апреля 1919 года: "Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, - всю эту мощь, сложность, богатство, счастье" [с. 44].

Объявившиеся новые хозяева грубы, жуликоваты, недалеки, невежественны. Они выживут в революционной сумятице, благодаря своей неразборчивости в выборе жизненного идеала. Советская власть не дает пропасть от голода безработному человеку из народа: "Мест, говорят, нету, а вот тебе два ордера на право обыска, можешь отлично пожить" [с. 30]. Бунину тяжело в такой обстановке, он понимает людей вчера еще приобщенных к культуре, сегодня заболевших от хамства и невежества, но пытающихся как-то держаться с достоинством: "В вагон трамвая вошел молодой офицер и, покраснев, сказал, что он "не может, к сожалению", заплатить за билет(9). В коллегии при "Агитпросвете" служит много знакомых Бунина, коллегия призвана облагородить искусство, а пока "берет пайки хлебом с плесенью, тухлыми селедками, гнилыми картошками"[с. 135]. По всему выходит, что большевики укрепились, а прочие ослабли, "взгляните, как прежний господин или дама теперь по улице идет: одет в чем попало, воротничок смялся, щеки не бритые, а дама без чулок, на босу ногу, ведро с водой через весь город тащит, - все, мол, наплевать" [с. 164]. Автор с горечью констатирует: "Как потрясающе быстро все сдались, пали духом!". Невыносимо тяжело видеть бледного старика генерала в серебряных очках и в черной папахе, он пытается что-то продать и "стоит робко, скромно, как нищий". Как пережить слепо разоряющую новую власть: "Всю жизнь работал, кое-как удалось купить клочок земли, залезши в долги на истинно кровные гроши построить домик - и вот оказывается, что домик "народный", что там будут жить вместе с твоей семьей, со всей твоей жизнью какие-то "трудящиеся" [с. 54].

С глухой тоской Бунин делает приписку: "Повеситься можно от ярости!".

А. Блок, В. Маяковский, С. Есенин пытаются как-то уловить в мрачных революционных буднях ростки новой жизни. У И. Бунина же "Россия сошла с ума" в октябре девятьсот семнадцатого, потому что пережила тысячи зверских и бессмысленных народных самосудов, "величайшее в мире попрание и бесчестие всех основ человеческого существования, начавшегося с убийства Духонина и "похабного мира" в Бресте". "Немым укором вчерашней России возвышается над "красными наследниками" великан военный в великолепной серой шинели, туго перетянутой хорошим ремнем, в серой круглой военной шапке, как носил Александр Третий. Весь крупен, породист, блестящая коричневая борода лопатой, в руке в перчатке держит Евангелие. Совершенно чужой всем, последний из могикиан"[с. 23]. Рядом с ним пигмеем выглядит типичный по Бунину красный офицер: "мальчишка лет двадцати, лицо все голое, бритое, щеки впалые, зрачки темные и расширенные; не губы, а какой-то мерзкий сфинктер, почти сплошь золотые зубы; на цыплячем теле - гимнастерка с офицерскими походными ремнями через плечи, на тонких, как у скелета, ногах - развратнейшие пузыри-галифе и шегольские, тысячные сапоги, на кострице - смехотворно-громадный браунинг" [с. 153]

Так в "Окаянных днях" намечается еще одна проблема - ВОСПРИЯТИЕ "БЕЛЫМ" БУНИНЫМ "КРАСНЫХ": "Нельзя хулом хаять народ". А "белых", конечно, можно. Народу, революции все прощается, - "все это только эксцессы. А у "белых", у которых все отнято, поругано, изнасиловано, убито - родина, родные колыбели и могилы, матери,

отцы, сестры, - "эксцессов, конечно, быть не должно" [с. 73]. "Советы" сравниваются с Кутузовым - "более наглых жуликов мир не видел" [с. 14].

ПОЧЕМУ БУНИН ВСТАЕТ НА ЗАЩИТУ "БЕЛЫХ"? ОТТОГО, ЧТО САМ ИЗ ИХ СРЕДЫ?

Автор "Окаянных дней" замечает, как с приходом Советской власти рушится создаваемое веками: "почта русская кончилась летом 17 года, с тех пор, как у нас впервые, на европейский лад, появился министр почт и телеграфов. Тогда же появился министр труда - и тогда же Россия бросила работать"[с. 44]. "Поголовно у всех лютое отвращение к труду" [с. 36]. Сама Россия стала рассыпаться на глазах Бунина "именно в те дни, когда были провозглашены братство, равенство, свобода"[с. 44]. Поэтому Бунин требует единого нравственного суда над "нашими" и "не нашими", что является преступлением для одной стороны, то преступно и для другой. В условиях расколотого общественного сознания "белый" Бунин защищает общечеловеческие нравственные идеалы: "Нападите врасплох на любой старый дом, где десятки лет жила многочисленная семья, перебейте или возьмите в полон хозяев, домоправителей, слуг, захватите семейные архивы, начните их разбор и вообще розыски о жизни этой семьи, - сколько откроется темного, греховного, несправедливого, какую ужасную картину можно нарисовать и особенно при известном пристрастии, при желании опозорить во что бы то ни стало, всякое лыко поставить в строку! Так совершенно врасплох был захвачен и российский старый дом" [с. 137].

Крик: мы тоже люди! - проходит через всю книгу. Ненависть к "красным" у Бунина не знает границ, он свирепо жаждет их гибели от Гурко, Колчака, немцев и живет надеждой, что, "ночью непременно что-нибудь случится, и так неистово, так крепко молишься, так напряженно, до боли во всем теле, что кажется, не может не помочь Бог, чудо, силы небесные... кто-то, может быть, напал на город - и конец, крах этой проклятой жизни!"[с. 59]. Чуда не происходит, наутро все те же "уличные лица" и "опять тупость, безнадежность", "в их мире, в мире поголовного хама и зверя мне ничего не нужно", - констатирует Бунин. В обезумевшей от революций России писатель повсюду слышит: "народ, давший Пушкина, Толстого...", ему обидно: "А белые не народ? А декабристы, а знаменитый московский университет, первые народовольцы, Государственная Дума? А редакторы знаменитых журналов? А весь цвет русской литературы? А ее герои? Ни одна страна в мире не дала такого дворянства" [с. 74]. Бунин не согласен с формулой "разложения белых". Какая чудовищная дерзость говорить это после того небывалого в мире "разложения", которое явил "красный" народ". [с. 74].

У Бунина много оснований ненавидеть "красных", сопоставляя их с белыми. В записи от 24 апреля читаем: "Самый молодой из квартирантов, человек скромный и робкий, принял комиссарский сан из страха, стал дрожать при словах "революционный трибунал". Ему пришлось выполнять приказ по уплотнению квартиры пролетариатом: "Все комнаты всего города измеряют, проклятые обезьяны" [с. 94]. Очередное издевательство, при котором Бунин "не проронил ни слова, молча лежал на диване", отозвалось ощутимой болью возле левого соска". Сердечная боль, разумеется, не только от того, что вчерашний тихий сосед сегодня отбирает жилье, а от того, что происходит вопиющая несправедливость: "Под защитой таких священно-революционных слов ("революционный трибунал", - В. Л.) можно так смело шагать по колено в крови, что благодаря им даже наиболее разумные и пристойные революционеры, приходящие в негодование от обычного грабежа, воровства, убийства, отлично понимающие, что надо вязать, тащить в полицию босяка, который схватил за горло прохожего В ОБЫЧНОЕ ВРЕМЯ, от восторга захлебываются перед этим босяком, если он делает то же самое ВО ВРЕМЯ, НАЗЫВАЕМОЕ РЕВОЛЮЦИОННЫМ, всегда ведь имеет босяк полнейшее право сказать, что он осуществляет "гнев низов, жертв социальной справедливости"[с. 95].

"Жертвы вывозили мебель, ковры, картины, цветы, отнимали у "белых" нажитое, творили ужасающие зверства. Бунин постоянно чувствовал необходимость сдерживать себя, "чтобы с бешенством не кинуться на орущую толпу" [с. 32].

Нравственная грязь горожан сочетается с уличным убожеством: "на тротуарах был сор, шелуха подсолнухов, а на мостовой навозный лед, горбы и ухабы". Человеческое тепло ощущалось в городской суете даже через извозчиков: можно было поговорить с возницей, полюбоваться ухоженной и украшенной лошастью. Пришедшие большевики лишены сердечности, душевности, им более подходит управлять холодными машинами, поэтому город Бунина грохочет переполненными грузовиками, пестрит красными флажками на правительственных мчащихся машинах. Революция въехала в город на грузовике: "Грузовик - каким страшным символом остался он для нас!.. С самого первого дня своего связалась революция с этим ревушим и смердящим животным..." [с. 56]. Грубость современной культуры Бунина так же воспринимал через грузовик.

Город не уставал поражать писателя жестокостью буден, своей ЧЕРНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬЮ: знаменитая артистка умирала в почерневшей от грязи рубашке, страшная, как скелет, вшивая, окруженная докторами с горящими лучинами в руках; сосед-старичок, крадучись, выгребая пальцем из баночки, сожрал мазь для втирания; другого соседа вынули из петли, в окаменевшей руке была зажата записка: "Царствию Ленина не будет конца"; семье известного ученого дали угол в прихожей за шкафами в их бывшем доме, "давно захваченном и населенном мужиками и бабами. На полу грязь, стены ободраны, измазаны клопиной кровью" (9).

Наука, искусство, техника, всякая маломальская человеческая трудовая, что-либо творящая жизнь - все погибло: "Сожрали тощие коровы фараоновых тучных и не только не потучнели, а сами околевают. Теперь в деревне матери так пугают детей: "Цыц! а то видам в Одессу в коммунию!" [с. 153].

КАК ПРИНЯЛА РЕВОЛЮЦИЮ ДЕРЕВНЯ?

Бунин считает, что революционный пожар, охвативший город, мог не тронуть деревню: "Ведь в деревне был еще некоторый разум, стыд" [с. 84]. Мужики с пристрастием воспринимали солдат, бегущих с фронта: "Что ж мало навоевал ?" - закричал за ним мужик, - Ты что ж, казенную шапку, казенные портки надел дома сидеть ? Рад, что начальства теперь у вас нет, подлец! Зачем тебя отец с матерью кормили?" Этот вопрос не раз вставал со всей своей философской остротой перед самим автором.

Всей семье Буниных пришлось страдать при новой власти: Евгений Алексеевич губил свой талант художника-портретиста в мужицкой избе с провалившейся крышей, где за пуд гнилой муки писал портреты вчерашних холопов в сюртуке и цилиндре, которые достались им при грабеже господ. "За портреты Васек Жоховых Евгений Алексеевич поплатился жизнью: пошел однажды за чем-то, верно, за гнилой мукой какого-нибудь другого Вальки, упал по дороге и отдал душу Богу". Юлий Алексеевич умер в Москве: нищий, изголодавшийся, едва живой телесно и душевно от "цвета и запаха нового шквала", помещен был в какую-то богадельню "для престарелых интеллигентных тружеников". Мария Алексеевна "умерла при большевиках в Ростове-на-Дону" (10).

Родное Никольское разрушилось в кратчайшие сроки. Бывший садовник, "сорокалетний рыжий мужик, умный, добрый, опрятный" за три года "превратился в дряхлого старика с бледной от седины бородой, с желтым и опухшим от голода лицом", просил пристроить его куда-нибудь, не понимая, что Бунин теперь не барин. В дневнике

от первого марта запись: "Мужики возвращают помещикам награбленное" [с. 31]. Бунин сам получил в 1920 году письмо деревенского учителя, который от имени мужиков предлагал "поселиться на родном пепелище, сняв у них в арендное содержание бывшую усадьбу и живя в добрососедских отношениях... теперь вас никто пальцем не тронет", добавлял он. Бунин с замиранием сердца ехал в родное "пепелище": "Было очень странно видеть все прежнее, свое, собственное, чьим-то чужим... странно взглянуть на все эти столь грубо одичавшие за время пятилетнего мужицкого владычества... снова войти в тот дом, где родился, вырос, провел почти всю жизнь, и где теперь оказалось целых три новых семейства: бабы, мужики, дети, голые потемневшие стены, первобытная пустота комнат, на полу натоптанная грязь, корыта, кадушки, люльки, постели из соломы и рваных пегих попон... Стекла окон... точно покрыты черными кружевами - так засидели их мухи" (И).

Деревенские мужики отнеслись к приезду бывшего хозяина участливо, а бабы "заявили без всякого стеснения: "из дому не выйдем!" И Бунин тотчас понял, "что и впрямь как-то нагло и глупо влез я в этот дом, в эту чужую жизнь. Провел в своем бывшем имении двое суток и уехал, зная, что уезжаю теперь уже навеки" [с. 12]. Сейчас усадьба исчезла с лица земли; нет ни дома, ни сада, ни одной липы главной аллеи, ни столетних берез, ни любимого Буниным клена...

За разрушенное и поруганное Бунин предъявляет счет не только революционерам, но и народу. В записях о народе он резок, несентиментален, как нет сентиментальности в его дореволюционных повестях "Суходол" и "Деревня".

КАКИМ ЖЕ ВИДИТ БУНИН НАРОД, ПРЕОБРАЖЕННЫЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ, В ЦЕЛОМ?

"Злой народ!" - отмечает он осенью 1917-го. Заметим, что зол и сам писатель. "Во век не забуду, в могиле буду переворачиваться !" Так он реагирует на матросскую бескозырку, широкие клеши и игру желваков на скулах. Быть такими интеллигентны бунинского типа не могут, "а раз не можем, конец нам! Всем нам давно пора повеситься, - так мы забиты, за мордованы, лишены всех прав и законов, живем в таком подлом рабстве, среди непрестанных издевательств. Вот какова моя кровожадность и в этом все дело" [с. 69].

Однако было бы несправедливым сказать только о ненависти к народу. Он сам признавался: "Если бы я эту Русь не любил, не видал, из-за чего же я бы так сходил с ума все эти годы, из-за чего бы страдал так непрерывно и так люто?" [с. 62].

Суть трагедии России в том, что брат встал против брата, сын против отца.

В ЧЕМ ВИДИТ БУНИН ИСТОКИ НАРОДНЫХ РАЗНОГЛАСИЙ?

В пренебрежении к УРОКАМ ИСТОРИИ. К своим рассказам о народе Бунин взял эпиграфом слова И. Аксакова "Не прошла еще древняя Русь!" Исходил он из посылки профессора и историка Ключевского о чрезвычайной "повторяемости" русской истории. Исследуя в дневниках закономерность повторяемости истории, Бунин у Татищева находит такие строки: "Брат на брата, сыневе против отцов, рабы на господ, друг друга ищут умертвить едино ради корыстолюбия, похоти и власти, ища брат брата достоинства лишить, не ведуще, яко премудрый глаголет: ища чужого, о своем в оный день возрыдает..." Уроки уже были, но беда в том, что никто не захотел изучить "Российскую историю" Татищева и сегодня "сколько дурачков убеждено, что в российской истории произошел великий сдвиг к чему-то совершенно новому, доселе небывалому" [с. 57].

Народ, по мнению Бунина, исполать представлял собой два типа: "В одном преобладает Русь, в другом Чудь. Народ сказал сам про себя: "из нас, как из дерева - и дубина, и икона, в зависимости от обстоятельств, от того, кто это дерево обрабатывает: Сергей Родонежский или Емелька Пугачев" [с. 62]

К великому сожалению Бунина на эти уроки истории никто внимания не обратил. А, между тем, Н. И. Костомаров писал о Стеньке Разине: "Народ шел за Стенькой, многого не понимая толком. Дозволен был полный грабеж. Стенька и его воинство были пьяны от вина и крови. Возненавидели законы, общество, религию, все, что стесняло личные побуждения..., дышали мстостью и завистью... составились из беглых воров, лентяев. Всей этой сволочи и черни Стенька обещал полную волю, а на деле забрал в полное рабство, малейшее непослушание наказывалось смертью..." [с. 115].

Предупреждал в "Истории России с древнейших времен" академик С. М. Соловьев, описывая "смутное время": "Среди духовной тьмы молодого, неуравновешенного народа, как всюду недовольного, особенно легко возникали смуты, колебания, шаткость. И вот они опять возникли. Дух неосмысленной воли, грубого своекорыстия повеял гибелью на Русь... У добрых отнялись руки, у злых развязались на всякое зло. Толпы отверженников, подонков общества потянулись на опустошение своего же дома под знаменем самозванцев, лжецарей..., преступников, честолюбцев" [с. 115].

Не присмотрелся народ и к "освободительному движению", которое, по мнению Бунина, "творилось с легкомыслием изумительным, с непременным, обязательным оптимизмом. И все "надевали лавровые венки на вшивые головы", по выражению Достоевского" [с. 113].

Бунин соглашается с А. И. Герценым, заявлявшим, что "беда наша в расторжении жизни практической и теоретической: "Разве многие не знали, что революция только есть кровавая игра, всегда кончающаяся только тем, что народ, даже если ему и удалось некоторое время посидеть, попировать и побушевать на господском месте, всегда в конце концов попадет из огня да в полымя" [с. 113]. По мнению Бунина, умные и хитрые главари придумали в новое время заманчивую ловушку для народа, сделав над ней маскировочную вывеску: "Свобода, братство, равенство, социализм, коммунизм". А неопытная молодежь "простодушно" откликнулась на "Святой девиз вперед" и создала революционный хаос 1917 года. Бунин не сомневался в начитанности и образованности вождя пролетариата, поэтому подытоживая анализ уроков истории, он пишет: "Не верится, чтобы Ленины не знали и не учитывали всего этого !" [с. 115].

Бунинский анализ истории России позволяет ему объявить, что из Чуди, из этих самых русичей, издревле славных своей АНТИСОЦИАЛЬНОСТЬЮ, давших столько "удалых разбойников", столько бродяг..., босяков, как раз из них и вербовали мы красу, гордость и надежду русской СОЦИАЛЬНОЙ революции", (подчеркнуто автором В. Л.) [с. 165].

В прошлом России Бунин увидел и непрерывную крамолу, и ненасытное честолюбие, и лютую жажду власти, и обманные целования креста, и бегство в Литву и Крым "для подъема поганых на свой же собственный отчий дом", но послереволюционное существование не сравнить с прошедшим: "Всякий русский бунт (и особенно теперешний) прежде всего доказывает, до чего все старо на Руси и сколь она жаждет прежде всего БЕСФОРМЕННОСТИ. Был и святой человек, был и строитель... но в какой долгой и непрестанной борьбе были они с разрушителем, со всякой крамоллой, сварой, "кровавой неурядицей и нелепицей !" [с. 165]. Бунин делает вывод: "Русь - классическая страна буяна". Он даже приводит данные современной ему уголовной антропологии о случайных и прирожденных преступниках, относя к последним (бледные лица, большие скулы, глубоко сидящие глаза) Степана Разина и Ленина: "В мирное время они сидят по тюрьмам, по желтым домам. Но вот наступает время, когда "державный народ" восторжествовал. Двери тюрем и желтых домов раскрываются, архивы сыскных отделений жгутся - начинается вакханалия. Русская вакханалия превзошла все до нее

бывшие..." [с. 160]. Пророчески Бунин предсказал "новую долголетнюю борьбу" с "прирожденными преступниками" - большевиками: "Купил книгу о большевиках. Страшная галерея каторжников 1" [с. 42].

Бунин предполагает, что даже открыл секрет безумия народа в революции. Безумия, которого потомки не должны простить, "а все простится, все забудется", потому что людям не хватает "настоящей восприимчивости": "В этом и весь адский секрет большевиков - убить восприимчивость. Люди живут мерой, отмерена им и восприимчивость, воображение, - перешагни - же меру. Это как цены на хлеб, на говядину. "Что? Три целковых фунт!?" А назначь тысячу - и конец изумлению, крику. Столбняк, бесчувственность" [с. 67]. А дальше Бунин рассуждает по аналогии: семь повешенных ? Нет, семьсот. " И уж непременно столбняк - семерых-то висящих еще можно представить себе, а попробуй-ка семьсот..." [с. 67].

В силу народной оторопи на всем пространстве России вдруг оборвалась громадная, веками налаженная жизнь и воцарились "беспричинная праздность, противоестественная свобода от всего, чем живо человеческое общество" [с. 78]. Народ перестал растить. хлеб и строить дома, вместо нормальной человеческой жизни началась "сумасшедшая по своей бестолковости и горячке имитация какого-то будто бы нового строя": пошли совещания, заседания, митинги, полились декреты, залился трезвоном "прямой провод", и все устремились командовать. Улицы заполнились "неработающими рабочими, гуляющей прислугой и всякими ярыгами, торговавшими с лотков и папиросами, и красными бантами, и похабными карточками, и сладостями..."[с. 79]. Народ стал подобен "скотине без пастуха, все перегадит и себя погубит".

"Была Россия ! Где она теперь...", - это сквозной мотив книги "Окаянные дни". На вопрос "кто виноват?" Бунин отвечает: "Народ". И при этом большую вину за происходящее возлагает на интеллигенцию. Бунин совершенно исторически точно определил, что интеллигенция во все времена провоцировала народ на баррикады, а сама оказывалась неспособной организовать новую жизнь. Уже в 1918 году он заявлял: "Не народ начал революцию, а вы. Народу было совершенно наплевать на все, чего мы хотели, чем были недовольны. Не врите на народ - ему ваши ответственные министерства, замены Щегловитых Малянтовичами и отмены всяческих цензур были нужны, как летошний снег, и он это доказал твердо и жестоко, сбросивши к черту временное правительство, и Учредительное собрание и "все, за что погибли поколения лучших российских людей", как вы выражаетесь..."[36].

КАКОВА ОЦЕНКА БУНИНА РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РЕВОЛЮЦИИ?

Бунин сочувствует интеллигенции и упрекает ее в политической близорукости: "Что наши прежние глаза! Как они мало видели!" [с. 108]. 17 и 18 годы писатель считает пограничными для интеллигенции: "Миллионы людей прошли через это растление и унижение за эти годы. И все наше время станет легендой" [с. 127].

Бунин упрекает прежде всего интеллигенцию в том, что она за "человечеством" и "народом" не видела отдельного человека. Даже помощь голодающим происходила "театрально", "литературно", только ради того, чтобы "лишний раз лягнуть правительство". "Страшно сказать, - записывает 20 апреля 1918 года Бунин, - но правда: не будь народных бедствий, тысячи интеллигентов были бы прямо несчастнейшие люди. Как же тогда заседать, протестовать, о чем писать и кричать? А без этого и жизнь не в жизнь" [с. 63]. Театральное отношение к жизни не позволило интеллигенции, по выводам Бунина, быть внимательнее к солдатам во время войны. С "солдатиками" обходились, как с объектом забавы: сюсюкали с ними в лазаретах, ублажали их булками, конфетами, даже балетными танцами. Играли в "благодарных", и солдатика прикидывались кроткими, страдающими покорно, поддакивали сестрицам, барыням, репортерам. Взаимное заигрывание уничтожило веру в правду, все перестали чувствовать, действовать, стали равнодушными. " Откуда это равнодушные?" - задает себе вопрос Бунин. И отвечает: "... от

присущей нам беспечности, легкомысленности, непривычки и нежелания быть серьезными в самые серьезные моменты. Подумать только, до чего беспечно, спустя рукава, даже празднично отнеслась вся Россия к началу революции" [с. 63].

Интеллигенция, наравне с мужиком жила, задрав лапти, с полной беспечностью, "благо потребности были дикарски ограничены": "Длительным будничным трудом мы брезговали, белоручки были, в сущности, страшные, а отсюда и идеализм наш, очень барский, наша вечная оппозиционность, критика всего и всех: критиковать-то ведь гораздо легче, чем работать" [с. 64].

ОТКУДА У ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ СТОЛЬ ЛЕГКОВЕСНОЕ ОТНОШЕНИЕ К ЖИЗНИ?

Бунин считает повинным в этом систему воспитания и образования: "Литературный подход к жизни просто отравил нас. Что, например, сделали мы с той громадной и разнообразнейшей жизнью, которой жила Россия последнее столетие? Разбили, разделили ее на десятилетия - двадцатые, тридцатые, сороковые, шестидесятые, каждое десятилетие определили его литературным героем: Чацкий, Онегин, Печорин, Базаров..." [с. 92]. Бунин добавляет к ним своего Николку из "Деревни" и подчеркивает, что общее между ними то, что все они томятся и ждут "настоящей работы". Это род русской нервной болезни, это томление, эта скука, эта разбалованность - вечная надежда, что придет какая-то лягушка с волшебным кольцом и все за тебя сделает" [с. 64].

"Литературное" воспитание несерьезно, как несерьезны и идеалы: "Это ли не курам на смех, особенно ежели вспомнить, что героям этим (Чацкому, Онегину, Печорину, Базарову) было одному "осьмнадцать" лет, другому девятнадцать, третьему, самому старшему, двадцать !" [с. 92].

Эти современные юнцы подхватывали, как знамя, "Рабочую Марсельезу", "Варшавянку", "Интернационал", "все злобное, коварное донельзя, лживо до тошноты, плоско и убого до невероятия", комментирует Бунин. Целые поколения мальчиков и девочек, долбивших Иванюкова и Маркса, придумали себе занятие - "строить" будущее. Они возились с тайными типографиями, собирали копеечки на "красный крест", зачитывались художественными текстами Маяковского, Блока, Волошина и "бесстыдно притворялись, что они умирают от любви к Пахомам и Сидорам и поминутно разжигали в себе ненависть к помещику, к фабриканту, к обывателям, ко всем этим "кровопийцам, паукам, угнетателям, деспотам, сатрапам, мещанам, рыцарям тьмы и насилия !" [с. 99].

Интеллигенция могла бы подписаться под словами А. И. Герцена: "Я ничего не сделал, ибо всегда хотел сделать больше обыкновенного"[с. 64].

Но Бунин признает и значимость интеллигенции: "Нами человечество протрезвляется... Нашим разочарованием, нашим страданием мы избавляем от скорбей следующего поколения"[с. 65], только процесс этот очень и очень продолжителен, "отрезвление еще далеко..."

В рождение новой интеллигенции, в воспитание рабочего, "цвета нации" Бунин не верит и не хочет иметь дела с "кузницей кадров": "Надо еще доказывать, что нельзя сидеть рядом с чрезвычайкой, где чуть не каждый час кому-нибудь проламывают голову, и просвещать насчет "последних достижений в инструментовке стиха какую-нибудь ХРЯПУ (подчеркнуто мною, -В. Л.) с мокрыми от пота руками. Да порази ее проказа до семьдесят седьмого колена, если она даже "антересуется" стихами! Это-ли не крайний ужас, что я должен доказывать, например, что лучше тысячу раз околеть с голоду, чем обучать эту хряпу ябам и хорьям..." Бунин объясняет свою неприязнь к новой писательской элите тем, что видит ее назначение в воспевании грабежа, разбоя и насилия.

Мы подошли еще к одной важной проблеме, поднятой Буниным в "Окаянных днях", место писателя в литературе 20-х годов.

КАК БУНИН ОЦЕНИВАЕТ ЛИТЕРАТОРОВ-СОВРЕМЕННИКОВ?

В период революционных преобразований писатель замечает ломку прежних литературных канонов, метаморфозу в самих писательских дарованиях: "В русской литературе теперь только "гении". Изумительный урожай! Гений Брасов, гений Горький,

гений Игорь Северянин, Блок, Белый... так легко и быстро можно выскочить в гении... и всякий норовит плечом пробиться вперед, ошеломить, обратить на себя внимание" [с. 76].

Бунин вспоминает высказывание А. К. Толстого: "Когда я вспомню о красоте нашей истории до проклятых монголов, мне хочется броситься на землю и кататься от отчаяния" и с горечью замечает: "В русской литературе еще вчера были Пушкины, Толстые, а теперь почти одни "проклятые монголы" [с. 77].

Писатели старшего поколения не принимали "глубин мысли" Горького и Андреева. Толстой считал, что они грешат полной бессмыслицей, ("что у них в головах, у всех этих Брюсовых, Белых"). "Теперь успех в литературе достигается только глупостью и наглостью" [с. 90]. Российский интеллигент А. П. Чехов признавался Бунину, что после двух страниц чтения Андреева чувствовал необходимость два часа гулять на свежем воздухе.

Бунин сокрушается о том, что о литературе судят люди несведущие, отзывы мастеров слова "в грош не ставят", и в какой раз писатель мечтает о дне мщения и общего, всечеловеческого проклятия теперешним дням: "Во что можно верить теперь, когда раскрылась такая несказанно страшная правда о человеке?" [с. 91]

Знаменитая традиция русской литературы чувства добрые лирой пробуждать поправа, поэзия стала служить низменным чувствам: "Новая литературная низость, ниже которой, кажется, падать уже некуда, открылась в кабаке "Музыкальная табакерка" - сидят спекулянты, шулеры, публичные девки, лопают пирожки по сту целковых штука, пьют ханжу из чайников, а поэты и беллетристы (Алешка Толстой, Брюсов и т. д.) читают им свои и чужие произведения, выбирая наиболее похабные" [с. 32].

Современная Бунину литература поражает его своей лживостью, претенциозностью, "изнуряет" наблюдательностью" и такой чрезмерной "народностью" языка и всей вообще манеры рассказывать, что хочется плюнуть" [с. 33]. Но этого никто не хочет замечать, напротив, все восхищаются.

Прославить "окаянные дни" поможет литература, предполагает Бунин и прежде всего "то вреднейшее на земле племя, что называется поэтами, в котором на одного истинного святого всегда приходится десять тысяч пустосвятов, выроdkов и шарлатанов" [с. 91].

К ним Бунин причисляет ненавистного ему певца революции В. Маяковского, которого не раз величает Идиотом Полифемовичем (одноглазый Полифем намеревался сожрать забредшего к нему Одиссея - В. Л.). Маяковский чувствует себя в новых условиях комфортно, обладая "хамской независимостью, стоеросовой прямоотой суждений", в одежде "плохо бритых личностей, живущих в скверных номерах" (4). "Маяковский утробой почуял, во что вообще превратится вскоре русский пир тех дней, недаром Маяковский назвался футуристом, то есть человеком будущего: полифемское будущее России принадлежало им, Маяковским" [с. 83].

Бунин считает, что революция сломала восторженного Горького. "Честь безумцу, который навевает человечеству сон золотой". Как любил рычать это Горький! А и сон-то весь только в том, чтобы проломить голову фабриканту, вывернуть его карманы и стать стервой еще худшей, чем этот фабрикант" [с. 50].

Брюсов в революции "все левее, почти уже форменный большевик: в 1904 году превозносил самодержавие, в 1905 году написал "Кинжал", с начала войны с немцами стал ура-патриотом, неудивительно, что теперь он большевик".

Писатель возмущается прочитанной фразой: "Блок слышит Россию и революцию, как ветер". Отовсюду шквалом идут сообщения об еврейских погромах, убийствах, грабеже, и "это называется по Блокам "народ объят музыкой революции -слушайте, слушайте музыку революции" [с. 127]. Вместо того, чтобы осудить происходящее, считает Бунин, "люди мудрят и философствуют о Блоке: впрямь его ярыги, убившие уличную девку, суть апостолы..." [с. 91]. "О, словоблуды, - замечает он по -этому поводу в другой записи, - Реки крови, море слез, а им все нипочем" [с. 49].

Заправляет новой литературой и культурой "гадина Луначарский, под руководством которого даже праздник превращается в "балаганщину" с размалеванными колесницами в бумажных цветах, лентах и флагах". Революция привнесла в литературу и культуру бессмыслицу и безвкусицу.

Автор "Окаянных дней" пытается подпитать дефицит душевного спокойствия информацией из прессы, но и здесь его ждет разочарование.

ЧТО ВЫДЕЛЯЕТ БУНИН В ПРЕССЕ?

Горьковская "Новая Жизнь": "С сегодняшнего дня даже для самого наивного простеца становится ясно, что... о самой элементарной честности применительно к политике народных комиссаров говорить не приходится. Перед нами компания авантюристов, которые ради собственных интересов бесчинствуют на вакантном троне Романовых" [с. 7].

"Власть Народа", передовая: "Настал грозный час - гибнет Россия..." [с. 8].

Рядом с этими, выдержками из газет, встречается раздумье над словами из Библии: "Между народом моим находятся нечестивые,... ставят ловушки и уловляют людей. И народ мой любит это. Слушай, земля: вот я приведу на народ сей пагубу, плод помыслов их..." Изумительно..." [с. 12].

В "Известиях" Советы сравниваются с Кутузовым.

Из редакции "Русских Ведомостей": "Троцкий- немецкий шпион" [с. 29].

Колчак признан Антантой Верховным Правителем России.

В "Известиях" похабная статья "Ты скажи нам, гадина, сколько тебе дадено?" [с. 142].

"Коммунист" пишет "о неслыханном, паническом бегстве красной армии от Деникина" [с. 168].

Каждый день развертывая газету "прыгающими руками", Бунин чувствовал, что "просто погибает от этой жизни и физически и душевно" [с. 162]. Газеты выталкивали его в Европу: "Уезжать необходимо, не могу переносить этой жизни - физически" [с. 36].

Возникли было надежды на то, что большевиков уничтожат немцы, Деникин, Колчак, но они растаяли, и тогда появилось страстное желание уехать на чужбину. В России даже родная речь стала чужой, "образовался совсем новый язык, сплошь состоящий из высокопарнейших восклицаний вперемешку с самой площадной бранью по адресу грязных остатков издыхающей тирании" [с. 45], "совершенно нестерпим большевистский жаргон" [с. 71].

"Сколько стихотворцев и прозаиков делают тошнотворным русский язык, беря драгоценные народные сказания, сказки, "словеса золотые" и бесстыдно выдавая их за свои, оскверняя их пересказом на свой лад и своими прибавками, роясь в областных словарях и составляя по ним какую-то похабнейшую в своем архируссизме смесь, на которой никто и никогда на Руси не говорил и которую даже читать невозможно!" [с. 123].

Со слезами покидал Бунин родину, "плакал такими страшными и обильными слезами, которых даже представить себе не мог... плакал слезами лютого горя и какого-то болезненного восторга, оставив за собой и Россию и всю свою прежнюю жизнь, перешагнув новую русскую границу, вырвавшись из этого разлитого моря страшных, несчастных, потерявших всякий образ человеческий, буйно, с какой-то надрывной страстью орущих дикарей, которыми были затоплены все станции, где все платформы и пути от Москвы до самой Орши были буквально залиты рвотой и испражнениями..." [с. 169].

Бунин был убежденным антикоммунистом до конца своих дней, это факт, а не упрек или обвинение. "Окаянные дни" передают тот накал ненависти, которой горела Россия в дни революции. Это книга проклятий, расплаты и мщения и по темпераменту, желчи и ярости превосходит многое из написанного "белой публицистикой", потому что даже в исступлении своем Бунин остается великолепным художником. Он сумел передать в дневнике свою боль, свою муку изгнания. Беспредельная внутренняя честность, чувство собственного достоинства, неспособность пойти на компромисс со своей совестью - все

это, способствовало правдивости изображения действительности: белый террор по силе и жестокости равен красному.

Как это ни покажется странным, Бунин был глубоко государственным человеком. Он страстно желал видеть Россию сильной, красивой, независимой, а картина жизни колола ему глаза, убеждала в гибели страны.

Бунин не смог приспособиться к новой России, для него это было равносильным отказу от самого себя. Отсюда прямота суждений в "Окаянных днях", которая проявилась и в последующих годах его жизни ("Фадеев, пожалуй, не меньший мерзавец, чем Жданов", 1946 г.; "у фашистов полное отсутствие таких "старомодных понятий", как честь, совесть, закон и этика, 1940 г.; Гитлер врет, что установит новую Европу на тысячи лет", 1941 г.; "Японцы, как и полагается быть негодьям, напали без предупреждений", 1941 г.; "Только сумасшедший кретин может думать, что он будет царствовать над Россией", 1942г.

Последняя дневниковая запись датируется 2 маем 1953 года: "Это все-таки поразительно до столбняка! Через некоторое очень малое время, меня не будет - и дела и судьбы всего, всего будут мне неизвестны".

В "Окаянных днях" Бунин раскрывает нам страницу истории России, ликвидирует белые пятна части литературы и духовности существа.

ЛИТЕРАТУРА:

- В. Лавров. Высоко нес я стяг любви. Москва, - 1986, - N6, с. 104
- А. Василевский. Разорение. Новый мир, - N2, с. 264.
- О. Михайлов. "Окаянные дни" Бунина Москва, - 1989, с. 187.
- И. Бунин. Миссия русской эмиграции Слово, - 1990, - N10, с. 67.
- И. Бунин. Там же, стр. 68.
- И. Бунин. Там же, стр. 68.
- И. Бунин. Там же, стр. 68.
- И. Бунин. Там же, стр. 69.
- И. Бунин. Гегель, фрак, мешель. Слово, - 1990, - N10, с. 65.
- И. Бунин. Там же, стр. 66.
- И. Бунин. Под серпом и молотом. Слово, - 1990, - N10, с. 62.
- И. Бунин. Там же, с. 62.